

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПОРТРЕТОМ А.Р. ЛУРИЯ

М. КОУЛ

Автор делится своими воспоминаниями о встречах с А.Р. Лурия и его коллегами и учениками.

Ключевые слова: А.Р. Лурия, культурно-исторический подход, сопряженная моторная методика.

Итак, я не буду тратить свою жизнь в тщетной надежде найти то, чего не может быть среди нас, питающихся плодами земли, — совершенного человека. Но я люблю и воспеваю любого, кто не делает подлостей по собственному выбору. Против необходимости бессильны даже боги.

Симонидес

Когда мы с женой впервые прочитали рукопись, послужившую основой для автобиографии А.Р. Лурия, нас поразило полное отсутствие информации о его личной жизни. Развитие его идей и экспериментальных исследований происходило как будто в вакууме. В переписке и в нескольких беседах с Александром Романовичем за год до его смерти в 1977 г. я попытался узнать какие-то детали, касающиеся событий его личной и общественной жизни. Но эти попытки не увенчались успехом. Он проявил то же отсутствие интереса к обстоятельствам своей личной жизни, которое характерно для его опубликованной автобиографии.

В последующие годы две биографии, написанные его дочерью Еленой и Е.Д. Хомской, пролили свет на некоторые связи между его личной жизнью и научной работой. Однако обстоятельства жизни А.Р. Лурия, оказавшие влияние на его научную деятельность, до сих пор остаются в основном невыясненными.

Соответственно, эпилог, который я написал к его автобиографии четверть столетия назад, стал одной из попыток оценить его роль в истории советской психологии.

Чтобы получить информацию о жизни и деятельности Александра Романовича, мне пришлось разговаривать со многими людьми. Очень много я узнал от Ланы Пименовны Лурия, пока мы сидели у них на кухне, ожидая, когда вернется с работы Александр Романович. Кое-что рассказали его студенты и коллеги. Во время своего визита в Москву за год до его смерти я попросил Александра Романовича собрать небольшую группу психологов, которые работали вместе с ним и Л.С. Выготским над созданием новой,

советской психологии. Я надеялся, что их воспоминания заставят и его разговориться. На удивление, многие оказались живы и пришли на чай¹.

Во время этой беседы пожилые женщины читали стихи, написанные 50 лет назад и посвященные борьбе их группы с клеветниками. А.В. Запорожец, который был лишь немного моложе А.Р. Лурия, с улыбкой вспоминал, с какой энергией Александр Романович взялся за организацию их работы и с какой гордостью он представлял их Л.С. Выготскому на экзаменах. Эти люди ничего не забыли, и они хотели, чтобы мир помнил, что они сделали и как они боролись. Я пообещал им, и в том числе Александру Романовичу, что тоже

26

не забуду и не допущу, чтобы их труд был забыт. И я решил написать очерк, который и представляю здесь в несколько сокращенном виде.

Я не историк науки, и мне было доступно очень ограниченное количество документальных материалов о жизни Александра Романовича и о советской психологии в то время, поэтому я не могу претендовать на сколько-нибудь полное освещение его жизни и времени, в которое он жил, в добавление к тому, что сказано в его автобиографии. Я черпал информацию из прекрасных книг о советской науке, в частности из книги Л. Грэхэма "Наука и философия в Советском Союзе". Но в этих научных изысканиях нет места для личных моментов, описывающих, что переживал и как чувствовал себя советский психолог. Чтобы дать более полное представление об условиях, в которых он жил, о волнениях, страхах и надеждах, которые воодушевляли Александра Романовича на протяжении более чем полувека неутомимых и тяжелых трудов, я включил в свой очерк не только документальные свидетельства, но и те детали, о которых мне рассказали в неформальных беседах.

При написании этого очерка я естественно испытывал влияние собственного образования, принятых в нем подходов и неизбежных ограничений. Влияли на меня и мои собственные взгляды, связанные с попытками построить более мощную и более человечную психологическую науку. Воспитанный в традициях американских теорий научения 1950-х гг., я приехал в Москву плохо подготовленный к тому, чтобы понять работу человека, чьи научные, политические и философские взгляды складывались в систему мировоззрения, весьма отличную от всего, с чем я прежде встречался. И хотя стиль американских психологических теорий и исследований значительно изменился за предыдущие 20 лет, он тем не менее отличался от советских исследований и теорий ограниченностью проблематики и прагматической ориентацией. Многие из этих отличий сохранились и до наших дней.

Расстояние, разделявшее советских ученых поколения А.Р. Лурия и американских психологов моего поколения, нельзя преодолеть, если делать вид, что этой разницы не существует. Наоборот, необходимо было бы провести непредвзятое сравнительное исследование общих целей, которые ставили перед собой психологи двух стран, происхождения их основных идей, способов построения теорий; исследование, которое выявило бы расхождения между нами. Только выяснив размеры и характер несовпадений между нами, можно было бы попытаться достигнуть некоторого сближения². В настоящее

время эта деятельность находится в зачаточном состоянии, поэтому читателю, так же как и мне, должна быть очевидна невозможность полного и объективного описания жизни и деятельности советского психолога американским психологом.

Столкнувшись с этими проблемами, я решил начать свое повествование там, где оно началось для меня, - с моего первого визита в Москву в 1962 г. Той осенью мы с женой, только закончив аспирантуру в университете Индианы, приехали в Москву, где я должен был в течение года заниматься научной работой под руководством Александра Романовича. В день нашего приезда он был на даче, но предусмотрительно послал О.К. Тихомирова, который довольно хорошо говорил по-английски, чтобы проводить нас до университета. На следующий день мы отправились к А.Р. Лурия на чай. Александр Романович познакомил нас с Ланой Пименовной и провел в гостиную, которая одновременно служила и спальней. На прекрасном английском языке он спросил, говорим ли мы по-русски. "Немного", - сказал я. Это был последний раз, когда мы общались по-английски, хотя я говорил по-русски намного хуже, чем он по-английски.

В течение следующего часа мы написали "научный план", в котором расписывалась моя работа на предстоящий год.

27

Поскольку я прибыл в Москву с очень смутной надеждой узнать кое-что о "семантических условных рефлексах", т.е. о выработке условных рефлексов на значение слов, сама идея о том, чтобы составить конкретный план научной работы на год в первый день пребывания в России ужаснула меня. Но это было необходимо. План можно было изменять, но не составить его было невозможно. Так я получил первый урок того, как делаются дела по-советски. Только узнав, как можно изменять письменные планы с учетом появляющихся запросов, я смог оценить уникальный стиль работы А.Р. Лурия.

Покончив с научным планом, Александр Романович повернулся к моей жене Шиле и спросил, какие планы у нее, и чем мы намереваемся заняться помимо науки. Шила имела смутное представление о своем будущем, хотя в конце концов она пошла учиться на факультет журналистики Московского университета и, благодаря помощи Александра Романовича, получила возможность писать статьи для газеты, выходившей на английском языке. Но мы оба хотели узнать как можно больше о русской культуре.

Это заявление очень понравилось Александру Романовичу. Пожаловавшись на предыдущего иностранного стажера, который, кроме психологии, знать ничего не желал, он написал "культурный план", который был таким же подробным, как и научный. Мы вскоре узнали, что Александр Романович был большим поклонником среднеазиатского искусства, знатоком оперы и драмы и одним из самых прозорливых читателей детективных романов. Мы уходили из дома А.Р. Лурия, полные чая с тортом, с ощущением, что мы повстречали смерть.

Далее это впечатление только усиливалось. В понедельник я пришел в лабораторию Александра Романовича в Институте нейрохирургии. В тот день у них была лекция приглашенного физиолога Н.А. Бернштейна. Меня удивила тема его выступления: математическое моделирование в физиологии. Меня учили, что советские ученые

отвергают количественные методы. Мое удивление вскоре сменилось тревогой, потому что А.Р. Лурия представил меня как математического психолога и попросил рассказать о последних достижениях в этой области в Соединенных Штатах. Я сомневаюсь, что мои слушатели что-нибудь поняли, но в результате такого постоянного давления мой русский стремительно прогрессировал.

В следующие несколько месяцев Александр Романович любезно организовал для меня эксперименты по условным рефлексам, которые я приехал изучать. Хотя, как я вскоре выяснил, он сам уже лет десять не использовал этих методов, мои эксперименты были включены в план исследований, которые проводила его коллега Е.Д. Хомская. Я добросовестно трудился, не представляя, насколько мой труд был неинтересен принимавшей меня стороне.

Время от времени Александр Романович брал меня на обходы к пациентам, ожидавшим операции или выздоравливающим после операции в Институте нейрохирургии. Огромное уважение, которым он пользовался, отражалось и на мне - молодом иностранце в неуклюжем белом халате. Я ничего не понимал в его клинических исследованиях, хотя задачи, которые он давал своим пациентам, и их ответы показались мне любопытными.

Мое общее впечатление об Александре Романовиче в то время было как о человеке, который всегда торопится. Его рабочий энтузиазм утомлял меня. Даже за его обеденными перерывами я не мог угнаться. Когда нам случалось обедать вместе, он быстрым шагом отправлялся в небольшой кафетерий недалеко от института. Хотя ему в то время было 60, а мне только 24, я с трудом мог за ним угнаться. В кафетерии он быстро заказывал две булочки и две обжигающе горячих чашки кофе. Мы ели стоя. По крайней мере, я ел и пил. Александр Романович, казалось, просто вдыхал свой обжигающий кофе, пока я робко дул на него. Не дожидаясь, пока мой кофе остынет, он отправлялся назад в лабораторию, где я догонял его, съев свой обед.

Иногда он немного рассказывал о своем прошлом и о своем учителе Л.С. Выготском. Он давал мне его книги, недавно

28

переизданные, и настоятельно советовал познакомиться с ними. Однажды он провел меня в свой кабинет, усадил за большой стол, покрытый стеклом, потом пошел к переполненному шкафу и достал несколько толстых папок с завязками. Открыв одну из этих папок, он начал рассказывать мне о путешествии в Среднюю Азию, которое он проделал много лет назад, чтобы провести там психологические эксперименты. Необычные, если не сказать странные, ответы, которые он получил от местных крестьян, рассмешили меня. Но тогда я не придавал им значения.

Л.С. Выготского я тоже не понимал. Он был учителем А.Р. Лурия, и, насколько я мог понять, Александр Романович считал его гением. Но как я ни старался постичь стиль Л.С. Выготского и способ его мышления, восхищение, которое испытывал Александр Романович, оставалось мне непонятным. В аспирантуре я читал выдержки из книги Л.С. Выготского "Мышление и речь", но я не понимал, что там может вызывать такое восхищение. Сам я обратил внимание только на некоторые выводы относительно формирования понятий у детей, о чем я раньше никогда не слышал. Но я был воспитанным молодым человеком. Я читал сколько мог и слушал. Александр Романович

особо на меня не давил. Он знал, что все, что он сможет сделать, - это посеять семена будущих идей и надеяться, что они прорастут. Он также знал, что чем больше семян он посеет, тем больше надежды, что хотя бы одно из них даст всходы. Ему пришлось долго ждать.

В последующие годы я не терял контакта с А.Р. Лурия и несколько раз навещал его. Он пытался организовать публикацию на английском языке двухтомного сборника, посвященного психологическим исследованиям в СССР, и я согласился помочь. К тому времени, как мы с моим коллегой издателем И. Мальцманом закончили эту работу, я стал издателем журнала "Советская психология", печатавшего переводы статей. Благодаря этому у меня была возможность периодически читать статьи Александра Романовича и тех советских психологов, которые достигли профессиональной зрелости до или сразу после второй мировой войны. В соответствии с основным направлением моей научной работы, я продолжал интересоваться исследованиями, использовавшими павловский метод условных рефлексов. Во время первого визита в Москву я узнал о применении этого метода в исследованиях порогов чувствительности, внутренних органов (что открывало перспективу нового понимания психосоматических проявлений) и ранних адаптивных реакций у новорожденных.

Чрезвычайно интересными были и другие направления исследований. Я узнал об опытах с шимпанзе, которые в новом свете представляли классические исследования инсайта В. Келера, об интересных попытках связать методы программированного обучения с теориями умственного развития и необычных проявлениях возможностей человека, в частности обучении новым сенсорным способностям, таким, например, как абсолютный слух. Мне даже удалось использовать кое-что из этой информации в собственной работе. Например, когда судьба забросила меня в западную Африку, я вспомнил, чем занимался А.Р. Лурия в Средней Азии, и повторил некоторые из его экспериментов.

Больше всего меня теперь поражает, насколько мало я разбирался в основных идеях и проблемах людей, чей труд я изучал. Заинтересовавшись некоторыми отдельными экспериментами, я выхватывал здесь идею, там методичку. Но я не видел нитей, которые связывали вместе эти изолированные элементы. На меня очень часто наводила скуку та работа, которой был поглощен Александр Романович. Например, он рекомендовал мне работу А.В. Запорожца о развитии произвольных движений у детей или Л.И. Божович о мотивации у детей. Я не понимал таких глобальных, "нечетких" проблем. Александр Романович видел, каким образом эта проблематика вписывалась в контекст его клинических исследований, а также исследований языка и мышления у детей с помощью павловского метода условных рефлексов. Я же не видел ничего.

29

Таким же образом мне было чрезвычайно трудно согласовать различные этапы деятельности А.Р. Лурия. Что общего было между его кросскультурными исследованиями и работой в Институте нейрохирургии? Почему он перестал заниматься условными рефлексами? Почему в книге о С.В. Шерешевском, человеке с необычной памятью, он уделил такое внимание анализу его личности, когда объектом изучения была его память?

Я задавал эти вопросы Александру Романовичу, но ответы меня не удовлетворяли. Он отвечал загадками. Работа, сделанная в прошлом, казалась ему юношеским увлечением, почти ошибкой молодости. Рассказы о работе в Средней Азии быстро переходили в анекдоты о еде, дорожных проблемах или ошибках гештальтпсихологов. Его ранние исследования с помощью сопряженной моторной методики рассматривались всего лишь как "некоторые эксперименты, которые позволили создать первый детектор лжи". Разговоры о С.В. Шерешевском и его памяти порождали новую волну анекдотов.

В то же время Александр Романович неуклонно заставлял меня читать Л.С. Выготского и его учеников. Когда мне удавалось раскопать какую-нибудь забытую информацию, Александр Романович бывал очень доволен, но мои открытия вряд ли были новостью для него, человека, который сам был историей.

Затем случились два события, благодаря которым я начал постепенно понимать связи между разными направлениями деятельности А.Р. Лурия и его коллег. Первым событием была публикация в 1978 г. избранных трудов Л.С. Выготского, которые ранее на английский язык не переводились. Александр Романович призывал меня взяться за эту публикацию буквально с первых дней нашего знакомства. Но поскольку я плохо понимал Л.С. Выготского, я не видел в этом смысла. Затем, в процессе работы над изданием старых и новых монографий советских психологов, я согласился в начале 1970-х гг. организовать публикацию на английском языке двух длинных очерков Л.С. Выготского. Эта публикация оказалась чрезвычайно трудным делом, которое в течение нескольких лет требовало больших сил и внимания от меня и трех моих коллег, и не увенчалась успехом. В конце концов мы собрали вместе несколько очень неравноценных работ Л.С. Выготского, но благодаря этому мне, наконец, удалось понять широту взглядов А.Р. Лурия на психологию и общество. Пытаясь в достаточной степени понять Л.С. Выготского, чтобы примирить разные интерпретации его идей членами нашей издательской группы, я постепенно начал ощущать невероятный масштаб его мышления. Он хотел, ни много ни мало, полностью перестроить психологическую теорию и практику. Для меня, как, думаю, и для многих других психологов моего поколения, подобные мысли показались бы замыслами сумасшедшего. Но Л.С. Выготский не был сумасшедшим, и постепенно его замысел начал казаться мне чрезвычайно интересным.

Вторым событием была автобиография Александра Романовича. Сначала это был набросок сценария для документального фильма о его работе. Но во время болезни он решил превратить сценарий в полномасштабную интеллектуальную автобиографию. Фильм снимали американцы, поэтому он писал по-английски. В результате появился первый черновой вариант. Мы с Шилой начали редактировать этот черновик одновременно с моей работой над рукописью Л.С. Выготского. Это совпадение очень помогло мне понять деятельность А.Р. Лурия.

Александр Романович часто называл свою работу продолжением идей Л.С. Выготского. Хотя их научные подходы в целом совпадали, из автобиографии стало ясно, что научные интересы Александра Романовича в начале его карьеры несколько отличались от того, чем он начал заниматься после встречи с Л.С. Выготским. Чтобы понять, как развивались научные взгляды Александра Романовича, мне пришлось вернуться к тем книгам, которые волновали его, когда он учился в университете в Казани. Многие из авторов были мне неизвестны: В. Виндельбандт, Г. Риккерт, В. Дильтей. О других я слышал или даже читал, но в ином контексте: это были

психологи У. Джемс, Ф. Brentano и К. Левин, писатели и философы А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и Л.Н. Толстой. Я читал или перечитывал труды этих людей, пытаюсь представить, что чувствовал Александр Романович, обдумывая социальные и политические проблемы своего времени.

Затем я обратился к собственным трудам А.Р. Лурия, начав с небольшой монографии по психоанализу, которую он опубликовал в 1922 г. перед отъездом из Казани. Я перерыл американские библиотеки в поисках забытых статей 1920-х и 1930-х гг. Александр Романович хранил все свои труды. После того, как я достаточно изучил материал, чтобы задать вопрос относительно конкретной статьи, копия этой статьи или копия копии появлялась у него в кабинете. Эти ранние работы, опубликованные в основном небольшим тиражом, будь то отдельные книги или журнальные статьи, сейчас очень трудно достать даже в России.

Я также читал все его работы, опубликованные на английском языке, начиная с небольшого отрывка, описывающего его работу во время IX Международного съезда психологов в Нью-Хейвене в 1929 г. Когда я соотнес форму и содержание его работ с общей социально-политической обстановкой того времени, бессвязное, зигзагообразное развитие его научной карьеры стало обретать смысл. Его интерес к психоанализу перестал казаться аномалией. Его увлеченность Л.С. Выготским, его кросскультурные исследования в Средней Азии, "павловская" манера его трудов в 1940-х и начале 1950-х гг., его переход в нейропсихологию, частая смена научных интересов - все это выглядело как сложное музыкальное произведение с несколькими центральными темами и большим количеством обертонов.

Неизвестно, когда семья Лурия переехала в Казань, но Лурия - очень старое имя, уже в XVI-XVII вв. связанное с еврейской ученостью. В конце XIX столетия жизнь евреев в России настолько жестко регулировалась государством, насколько царскому правительству это удавалось. Ограничивались переезды, образование и выбор профессии. Строгость ограничений зависела от того, где человек жил и сколько денег он мог потратить на то, чтобы смягчить эту строгость. Во времена юности отца Александра Романовича - Романа Альбертовича - разрешалось принимать в университет только 5 % евреев. Те, кто не попадал в этот небольшой процент, но были достаточно состоятельны, отправлялись учиться в Германию. Вся семья гордилась тем, что Роман Альбертович поступил в Казани на медицинский факультет и закончил его.

Но блестящее образование не гарантировало работы по окончании университета. Романа Альбертовича приглашали на работу на медицинские факультеты в Казань и Санкт-Петербург, но в результате не взяли, потому что он был евреем. Некоторое время он занимался частной практикой в деревне недалеко от Казани. Затем вернулся в Казань и открыл частную практику там. Дела шли не очень хорошо, потому что ему не разрешалось консультировать в больницах и госпиталях.

Внутри страны передвижение было ограничено, но за граница была открыта, и Роман Альбертович несколько раз ездил в Германию, где продолжал изучать медицину. Будучи уже взрослым, Александр Романович ездил с отцом в Германию. Немецкий был вторым языком, на котором разговаривали в семье, и Александр Романович выучил его в детстве.

По его собственному мнению, научные и политические идеи Германии XIX в. определили его предреволюционные взгляды.

Также большую роль в его интеллектуальном развитии сыграли русские авторы, которые писали о насущных проблемах царской России и предлагали более или менее радикальные пути их разрешения. В юности Александр Романович считал себя последователем Л.Н. Толстого, чьи работы о социальной несправедливости в России воспламеняли многих россиян на рубеже веков.

Во многих своих работах, особенно в романе "Война и мир", Л.Н. Толстой пытался примирить два противоположных подхода к истории и способности личности производить изменения в общественном устройстве. Один подход, характерный для

31

философов типа А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского (а также К. Маркса), состоял в том, что историю можно изучать как науку, формулируя общие законы на основе изучения потока мелких событий и случайностей, которые составляют ежедневную жизнь человечества. При всей привлекательности этой идеи Л.Н. Толстой отстаивал противоположную мысль: исторические события могут быть поняты только в контексте сложных взаимоотношений индивидуально принимаемых решений и человеческих усилий. Согласно этой точке зрения, такие абстрактные понятия, как "власть" или "историческая необходимость", маскируют ту действительность, которую они призваны объяснить. Попытки Л.Н. Толстого примирить эти два подхода были опровергнуты революцией, которая зачеркнула все его призывы к реформам. Но основные противоречия сохранились, потому что они не были порождением воображения. В ином обличье эти проблемы Александр Романович нашел в споре между В. Дильтеем и В. Вундтом, между "номотетическим" и "идиографическим" подходами к психологии. Эти парадоксы, которыми не занималась ни одна научная дисциплина, волновали всех.

По сравнению с прошлой жизнью революция принесла евреям освобождение. Вместо того, чтобы тратить долгие годы, одолевая гимназическую науку в слабой надежде получить место в университете, А.Р. Лурия смог очень быстро получить образование в соответствии со своими интеллектуальными запросами. Его отцу, так надолго исключенному из профессионального сообщества, была дана возможность реализовать свой талант. Сначала Р.А. Лурия предложили место в Казанском университете, где с его участием была создана новая программа постдипломной медицинской подготовки, затем он переехал в Москву, где стал одним из ведущих организаторов медицинского образования в СССР.

В постреволюционном хаосе Александр Романович одновременно занимал пост научного сотрудника в одном институте, учился в аспирантуре в другом, по вечерам учился на медицинском факультете и опробовал терапевтические методы на психиатрических больных. Он также начал издавать журнал, организовал коммуну для трудных подростков, возглавил дискуссионную группу и опубликовал собственный труд по психоанализу. Контраст между этой разнообразной деятельностью и весьма ограниченными возможностями профессиональной реализации, которые существовали до революции, объясняет преданность Александра Романовича делу революции и той

партии, которая ее совершила. Человек чрезвычайно активный, он благодаря революции получил возможность эту активность реализовать. Революция дала ему жизнь. В ответ он приложил все свои силы для реализации надежд и идеалов, которым дала жизнь революция 1917 г., невзирая на разочарование, постигшее многих к середине 1970-х гг.

Ситуация в Москве была для Александра Романовича чрезвычайно интересна. К.Н. Корнилову, ставшему после Г.И. Челпанова директором Института экспериментальной психологии в 1923 г., была предоставлена полная свобода в построении марксистской советской психологии. Поскольку было много общего между тем, как К.Н. Корнилов и А.Р. Лурия проводили эксперименты по измерению времени реакции, они решили, что им предстоит плодотворное сотрудничество.

В Москве Александр Романович продолжил свои исследования. Работа проводилась по двум фронтам. Во-первых, он начал большую серию экспериментов, направленных на усовершенствование сопряженной моторной методики для выявления того, как эмоции организуют или дезорганизуют произвольное поведение. Его смелость в этом отношении поражает, особенно если учесть современное отношение к психологическим экспериментам. Нигде не описано, каким образом А.Р. Лурия, которому был 21 год, и его столь же юному коллеге А.Н. Леонтьеву удавалось выдергивать студентов университета из очереди на допрос. Возможно, все делалось на основе дружеских отношений. Еще более удивительно, как им удавалось убедить прокурора позволить им допрашивать подозреваемых в убийстве. 32

Ирония заключается в том, что они наивно верили в благополучное завершение своих исследований. Когда Х. Гонт переводил книгу Александра Романовича "Природа человеческих конфликтов", он описал допросы студентов Московского университета как "профилактику". Только к началу 1930-х гг. эта процедура получила название "чистка". Но когда Александр Романович начинал свою работу, о чистках еще не было речи. Вместо этого он видел перед собой величественные очертания единой науки о человеке, где нет различия между реальной жизнью и лабораторным экспериментом.

Чтобы создать такую науку, ему требовалось не только совершенствовать лабораторные методы, но и формулировать теоретические обоснования. В экспериментальной модели психоанализа Александру Романовичу виделась перспектива подхода, который объединил бы скудные экспериментальные исследования, базирующиеся на немецкой структурной психологии, и гуманистическую дескриптивную психологию В. Дильтея. Но эта формулировка оставляет за скобками то, что требовалось в той ситуации, а именно соединение психологической теории с историческим и социальным подходом, изложенным в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Какими бы ни были достоинства или недостатки психологической теории, ее одобрение зависело в очень большой степени от методологии. В советской терминологии методология означала основные понятия и логику общего подхода к предмету. Быть признанной могла только психологическая теория, основанная на марксизме.

Американские психологи долго придерживались стереотипа, что все статьи советских психологов начинаются с протокольного поклона К. Марксу, Ф. Энгельсу и, возможно, И.П. Павлову, а затем переходят непосредственно к теме. По их мнению, подобные философские предпосылки не имеют никакого отношения к работе ученого. В истории Советского Союза бывали периоды, когда это соответствовало действительности. А.Р. Лурия тоже подвергался давлению и вынужден был подгонять свои взгляды под

политические и философские требования своего времени, впрочем, в советской науке политика и философия часто совпадали. Тем не менее было бы ошибкой рассматривать включение марксизма в советскую психологию 1920-х гг. просто как уступку политическому давлению. Наоборот, эта теория вдохновляла многих участников разносторонних дискуссий о будущем направлении развития советской психологии. Они были не уверены в будущем, конфликтовали друг с другом, но были полны энтузиазма и оптимизма.

В психологии первые дискуссии о марксизме в 1920-х гг. характеризовались тем, что я называю "конъюнктивным" подходом. Каждый ученый - даже Г.И. Челпанов, чья приверженность В. Вундту была всем известна, - объяснял, что его интерпретация психологии не противоречит принципам марксизма, - и сюда же я включаю Александра Романовича. Повсеместно выявлялась общность психологической теории и марксизма, будь то реактология К.Н. Корнилова, рефлексология В.М. Бехтерева или психоанализ А.Р. Лурия. Непонятно было, как они соотносились друг с другом. Все эти дискуссии возникали спонтанно, потому что было не ясно, приведет ли объединение той или иной теории с марксизмом к появлению новых направлений исследований, не говоря о том, сможет ли это лечь в основу нового направления в психологии. Подход Л.С. Выготского к марксизму и психологии резко выделялся среди прочих. Он придерживался мнения, что новая психология может быть построена на принципах марксизма.

Книга "Психология и марксизм", вышедшая под редакцией К.Н. Корнилова в 1925 г., демонстрирует расхождения в теоретических подходах А.Р. Лурия и Л.С. Выготского в то время. Марксизм А.Р. Лурия был основан на марксистских трудах, имеющих очевидный психологический подтекст, таких, как "Тезисы о Фейербахе" К. Маркса или "Анти-Дюринг" Ф. Энгельса. Л.С. Выготский начал с "Капитала". Когда в 1925 г. вышла "Диалектика природы" Ф. Энгельса, Л.С. Выготский тут же

33

включил ее в свой теоретический контекст. При всех возможных недостатках такого подхода, Л.С. Выготский не был одним из тех, кто бездумно переносит марксистские тезисы в психологию.

Несмотря на первоначальные разногласия, Л.С. Выготский привлекал Александра Романовича, потому что его представление о взаимоотношениях марксизма и психологии было более полным. Подход Л.С. Выготского был шагом по направлению к всеобъемлющей науке о человеке в природе и обществе, по своему охвату превосходившим то, что удалось сформулировать А.Р. Лурия. Хотя его всегда интересовали социальные факторы, влияющие на психическую жизнь индивида, все, что ему удалось сделать, - это разработать методики для изучения индивидуальных мотивов и действий. Модифицируя психоанализ с помощью сопряженной моторной методики, А.Р. Лурия сумел выработать только один способ соединения точности эксперимента и сложности реальной клинической практики. Но социальное в его работу включено не было. Он признал этот недостаток, пообещав рассмотреть возможности применения психоаналитической теории к исследованию проблемы социального детерминизма. Подход Л.С. Выготского, предоставлявший ему возможность исследования этих проблем на базе марксистской теории, был подарком, которым нельзя было не воспользоваться.

А.Р. Лурия, Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев начали проводить регулярные встречи в середине 1920-х гг. с целью разработать новую советскую психологию. Эта программа реализовывалась одновременно в нескольких направлениях. На уровне теории они пересматривали то, что было достигнуто за прошедшие 50 лет в психологии, социологии и биологической теории. Л.С. Выготский и А.Р. Лурия читали по-немецки, по-английски и по-французски. А.Н. Леонтьев знал только французский, поэтому он специализировался в этом направлении. Кроме того, они суммировали все, что прочитали. И А.Р. Лурия, и Л.С. Выготский были чрезвычайно плодовитыми писателями. Они напечатали множество статей в конце 1920-х-начале 1930-х гг., обобщающих основные направления работы зарубежных ученых. Они также содействовали переводу иностранных изданий и писали к ним вступления, где давали собственную интерпретацию зарубежным идеям. Помимо западноевропейских и американских, они анализировали труды русских ученых до и после революции. На Л.С. Выготского оказали влияние лингвист А.А. Потебня и биолог В.А. Вагнер, и через Л.С. Выготского они повлияли на Александра Романовича, который ссылается на А.А. Потебню в своей последней книге о языке и мышлении. В 1920-е гг. ни один советский психолог не имел права игнорировать И.П. Павлова, хотя ему было еще далеко до той роли высшего арбитра советской психологии, которая была ему уготована в 1950-е гг. "Тройка", как называли себя Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев, считала, что значение учения И.П. Павлова для психологической теории весьма ограничено, и имели дерзость сомневаться в способности его физиологической теории объяснить целостное поведение. Это критическое отношение явно просматривается в труде "Природа человеческих конфликтов", в котором Александр Романович отвергает аналогию между человеческим мозгом и телефонной станцией, приписываемую им И.П. Павлову, и предлагает вместо этого "системный" подход, ассоциировавшийся для него с именем К. Лэшли. Вместе с тем он признавал вклад И.П. Павлова в разработку физиологической теории психики, а экспериментальные исследования конфликта и невроза сыграли важную роль в развитии научных взглядов А.Р. Лурия.

Сначала "тройка", все члены которой работали в Институте экспериментальной психологии, заимствовала идеи из реактологии К.Н. Корнилова, но это направление было для них слишком узким. По мере развития своих идей они вели исследования в разных направлениях. В 1927- 1928 гг., продолжая работать в институте К.Н. Корнилова, они начали сотрудничать с психологической лабораторией в Институте коммунистического воспитания,

34

а Л.С. Выготский занялся организацией Института дефектологии для изучения детей с пороками развития.

В дополнение к критическому изучению имеющихся психологических школ, "тройка" начала обучать студентов собственным подходам к теории и исследованиям. Поневоле придя к выводу, что их новая теория требует новых методов, они привлекли небольшую группу студентов-энтузиастов, желающих опробовать новые идеи. Так к ним присоединилась "пятерка", группа из пяти человек, включавшая Л.И. Божович, Р.Е. Левину, Н.Г. Морозову, Л.С. Славину и А.В. Запорожца. Эти студенты, работы которых получили признание в советской психологии после второй мировой войны, работали

непосредственно под руководством А.Р. Лурия. Как они позже рассказывали, сначала А.Р. Лурия, Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев встречались, чтобы обсудить некоторые теоретические вопросы и подумать, как сконструировать для них экспериментальные модели. Далее Александр Романович интерпретировал результаты этих дискуссий для студентов, а они в свою очередь проводили пилотные эксперименты. В основном эта работа была направлена на создание конкретных моделей, подтверждающих тезис, что мышление взрослого человека опосредствовано культурно обусловленными "инструментами мышления". Эксперименты Л.С. Выготского для подтверждения мысли, что язык является основным средством опосредствования мысли для взрослого человека, получили наиболее широкую известность в то время и были описаны Л.С. Выготским в предисловии к изданию книги Ж. Пиаже "Язык и мышление ребенка". Целый год был посвящен изучению развития способности ребенка представлять мысли схематически. А.Р. Лурия изучал прототипическое письмо и обнаружил, что даже маленькие дети пользуются опосредствованным запоминанием с помощью пометок на бумаге задолго до того, как овладевают письменной речью.

Интерес А.Р. Лурия к проявлениям человеческой природы был фактически беспределен, хотя и сосредоточивался в области психологии. Они с Л.С. Выготским, например, регулярно встречались с С.М. Эйзенштейном и обсуждали, каким образом абстрактные идеи, лежащие в основе исторического материализма, могут быть воплощены в зрительных образах, проецируемых на киноэкран. По чистой случайности А.В. Запорожец раньше был актером и его даже рекомендовали С.М. Эйзенштейну. Потом он стал психологом. В конце 1920-х гг. он выполнял функции психологического лазутчика в мире кино. Он ходил на дискуссии с С.М. Эйзенштейном, о которых докладывал Л.С. Выготскому и А.Р. Лурия. С.М. Эйзенштейн обращался к своим друзьям-психологам за помощью не только в решении труднейшей задачи перевода вербальных понятий на визуальный язык, но и в оценивании того, насколько удачной оказалась попытка. С их помощью он конструировал анкеты для зрителей, среди которых были и студенты, и рабочие, и крестьяне, чтобы определить, поняли ли они его образы так, как было им задумано. Широту интересов Александра Романовича ярко характеризует тот факт, что взаимоотношения между мышлением и способами представления идей в кино были для него не менее важны, чем в лаборатории.

Во второй половине 1920-х гг. Александр Романович продолжал изучать взрослых, расширяя сферу применения сопряженной моторной методики в исследовании сложных форм поведения. Но его все более интересовало происхождение организованного поведения в истории индивида и человечества. Одновременно он начал исследовать нарушения поведения в результате травмы или заболевания. Из-за этого ему все чаще приходилось отбиваться от обвинений в том, что он некритически заимствует идеи у несоветских авторов.

Мало что из работ А.Р. Лурия того периода опубликовано на английском языке. Но "Природа человеческих конфликтов", охватывающая период его научной работы с 1924 по 1930 г., если читать ее правильно, представляет собой уникальный источник информации, раскрывающий причины как его интереса к З. Фрейду, так и перехода на позиции культурно-исторической психологии в конце 1920-х гг.

Три статьи, написанные по отдельности Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и А.Р. Лурия и представленные каждым из них в "Американский журнал генетической психологии" в 1928 г., содержат первые формулировки их теории и описания экспериментальных методик.

Особого внимания в свете дальнейших дискуссий заслуживает тот факт, что каждый из них устанавливал связь между познавательным развитием ребенка, которое они описывали как культурное, и развитием человеческой культуры. Эту же идею можно обнаружить в последней трети "Природы человеческих конфликтов", где А.Р. Лурия с одобрением описывает обычай в примитивных сообществах бить в барабан во время сельскохозяйственных работ как пример зависимости примитивных культур от внешних опосредствований, необходимых для поддержания необходимого уровня внимания. Такими же средствами пользуются взрослые в "цивилизованных" обществах для поддержания внимания детей. Эта аналогия между эволюцией культуры и индивидуальным развитием была типична для возрастной психологии начала XX столетия. Она прослеживалась в трудах Л. Леви-Брюля, который повлиял на Ж. Пиаже и на немецкого возрастного психолога Х. Вернера, а их обоих изучал А.Р. Лурия в середине 1920-х гг. Эта мысль вполне согласуется с основной идеей "тройки", что развитие есть формирование все более усложняющихся форм опосредствованного поведения. Дальнейшее развитие идея об аналогии индивидуального и исторического развития получила в "Этюдах по истории поведения", написанных Л.С. Выготским и А.Р. Лурия и опубликованных в 1930 г. Один из рецензентов очень четко объяснил опасность излишнего увлечения аналогиями развития: "Эти авторы считают, что человек примитивной культуры - это не человек... Каннибалы, индейцы и т.п. с нашей точки зрения не примитивны, это люди, чья культура - не отражение их биологических способностей (как утверждают Выготский и Лурия), а результат специфического способа производства" (Френкель А. Против эклектизма в психологии и педологии // Известия национальностей. 1930. № 7-8). А. Френкель далее выдвинул ошибочный тезис, что культурно-историческая теория предполагает, будто ребенок в своем развитии переходит от стадии шимпанзе к стадии примитивного человека, чьи неграмотность и слабая память являются отражением его биологически обусловленных способностей.

Разработка новых направлений, начатая А.Р. Лурия во второй половине 1920-х гг., была естественным следствием применения культурно-исторического подхода к исследованию психических процессов. Изучение развития отдельных детей или целых культурных групп стало одним из аспектов целостного подхода. Не меньшее значение имели исследования нарушений психических процессов, поскольку болезнь или травма могут разрушить то, что построено в результате развития и накопления культурного опыта. И здесь семейные традиции Александра Романовича позволили ему увидеть возможности теоретического осмысления проблем, которые другому могли бы показаться чисто медицинскими.

Одно из его первых заявлений относительно возможностей продуктивного взаимодействия между психологией и медициной появилось в 1929 г. в статье "Психология и клиническая практика". В ней он дал обзор современного состояния психологии, включая не только эксперименты И.П. Павлова с невротами и свои исследования с использованием сопряженной моторной методики, но также работы таких западноевропейских исследователей, как К.Г. Юнг, З. Фрейд и А. Адлер, в области психогенных расстройств, А. Бине в области дифференциальной психологии, и Ж. Пиаже в области развития мышления. Одной из основных идей была возможность использования клинических методов в исследовании человеческого поведения. И хотя у него были сомнения относительно возможностей психотерапевтического лечения и обоснованности

альтернативных теорий личности, он тем не менее рассматривал их нападки на классический лабораторный метод как нормальное здоровое движение в направлении психологии, которая могла бы стать наукой, важной для медицинской практики.

36

Разработка "тройкой" проблем расстройств поведения продвигалась по трем направлениям. А.Н. Леонтьев обследовал умственно отсталых пациентов, сначала с помощью сопряженной моторной методики, затем давая им задания на опосредствованное запоминание, что стало одной из первых экспериментальных методик, разработанных культурно-исторической школой. У Л.С. Выготского интерес к умственной отсталости сохранился еще с тех времен, когда он работал учителем. С помощью своего коллеги Л.С. Сахарова он разработал задания на формирование понятий, которые применялись в исследованиях умственно отсталых пациентов и шизофреников.

В процессе своих исследований А.Р. Лурия раздобыл копию классической работы Г. Хеда о расстройствах мышления, обусловленных афазией. Не только феноменология, но даже терминология идеально соответствовали идее Л.С. Выготского, что мысль опосредствуется языком, и если человек не может пользоваться языком, он возвращается к "доязыковому", "неопосредствованному" состоянию. По Г. Хеду, у афазиков прямое восприятие сходства между двумя фигурами осложняется неспособностью зафиксировать это сходство в слове, тогда как у нормальных субъектов способность зафиксировать сходства и различия в символе чрезвычайно расширяет возможности понятийного мышления и лежит в основе всех научных классификаций. Огромные возможности, которые исследования умственных расстройств предоставляли для изучения психики, заставили Л.С. Выготского и А.Р. Лурия пойти учиться на медицинский факультет и включить клинические исследования в свои и так уже переполненные научные планы.

Период с 1925 по 1930 г. был отмечен невероятным энтузиазмом и возбуждением. Все участники нарождающегося психологического движения чувствовали себя авангардом науки. Они не встречали сопротивления. По их собственным отзывам, преобладающей реакцией было равнодушие. Возможно, единственным исключением была реакция на психоанализ. В это время статьи, критикующие теорию З. Фрейда, появились в научных журналах и в "Правде". Критиковали как друзья и коллеги А.Р. Лурия, включая И. Сапира, так и его противники. В 1927 г. Александр Романович покинул пост секретаря Советского психоаналитического общества.

Невзирая на оказываемое на него давление, Александр Романович, чьи собственные теоретические изыскания привели его к отказу от теории З. Фрейда, не торопился присоединиться к обличительному хору. Вместо этого он, ссылаясь на психоаналитические исследования в своих трудах, ограничивался упоминанием чисто методических или эмпирических моментов. Например, его доработка сопряженной моторной методики, чему посвящена большая часть книги "Природа человеческих конфликтов", рассматривается как неопределенная попытка примирить экспериментально-объяснительный и клинико-описательный подходы к изучению психики и эмоциональности. Хотя З. Фрейд и К.Г. Юнг практически не упоминаются в монографии, это не проявление пренебрежения, а, наоборот, в противовес попыткам

вычеркнуть их из психологии, упорное отстаивание тезиса, что историю нельзя переписывать заново.

То же упорство А.Р. Лурия проявил десять лет спустя, когда написал статью о психоанализе для Большой Советской Энциклопедии. В достаточно объективном изложении основных понятий и истории психоанализа он подчеркивает значение психоаналитического метода для изучения бессознательных мотивов. Его критика психоанализа как научной системы сводится к тому, что психоанализ преувеличивает значение биологических мотивов в регуляции поведения, недооценивая исторически обусловленные культурные факторы. Эти мысли присутствовали в его работах уже в 1925 г. и вполне согласовывались с подходом, который он разработал в сотрудничестве с Л.С. Выготским.

Примерно в 1930 г. внимание общества резко переключилось на психологию, в том числе и на до толе незамеченную школу Л.С. Выготского. В результате значительную часть исследований пришлось

37

затормозить. В ходе дискуссий, проводимых образовательными и научными организациями, придирчиво рассматривались все существующие психологические школы и их члены. Психологические исследования оценивались с точки зрения их вклада в развитие научного марксизма.

Непонятно, как к этим дебатам относились Александр Романович с коллегами. Вначале они, видимо, восприняли это как продолжение спора о будущем советской науки, который не прекращался с самого начала их деятельности. Они не собирались отказываться от своих взглядов, хотя имеются свидетельства, что они не оставались равнодушными к тому, что воспринималось ими как серьезная критика. В этой ситуации Л.С. Выготский продолжал изучать аномалии развития и методы их компенсации. Его основной подход к опосредствованному поведению, особенно его понимание связи между знаком и значением, претерпел в то время серьезные изменения. Александр Романович, в свою очередь, продолжал выполнять функции собирателя информации и начал два проекта, направленных (почти впервые) на проверку положений культурно-исторической теории. Это были экспедиции в Среднюю Азию и масштабное исследование значения культуры и наследственности в психическом развитии близнецов.

Возможно, самой выразительной коллективной реакцией на оказываемое давление была попытка основать собственное отделение психологии в 1930 г. В Москве они не смогли найти ни одной организации, готовой взять к себе всю группу и позволить им разработать учебную и исследовательскую программы, и поэтому приняли приглашение психоневрологического института Харьковского университета сформировать новое отделение психологии под его эгидой. А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец и Л.И. Божович переехали в Харьков, но они недолго оставались вместе. Вскоре Александр Романович вернулся в Москву, где осуществил целый ряд возрастных исследований. Л.С. Выготский регулярно путешествовал между Харьковом, Москвой и Ленинградом вплоть до самой своей смерти от туберкулеза в 1934 г. В Харькове остались только А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец и Л.И. Божович, которые сформировали собственную психологическую школу. Со временем к ним присоединились другие

выдающиеся фигуры, такие как П.И. Зинченко и П.Я. Гальперин. Но мечта о едином отделе так и не была реализована.

Весной 1931 г. Александр Романович и несколько штатных сотрудников московского Института психологии отправились в Самарканд, где они провели двухмесячный семинар для работников Узбекского научно-исследовательского института, чтобы подготовить экспедицию в отдаленные районы Узбекистана. Целью экспедиции, как было объяснено в статье в американском журнале "Наука" по завершении первого путешествия летом 1931 г., было "исследовать различия в мышлении и других психологических процессах у людей, живущих в очень примитивных экономических и социальных условиях, и зафиксировать изменения, появляющиеся в результате приобщения к более высоким и сложным формам экономической жизни и подъема общего культурного уровня". Было исследовано огромное количество параметров, включая различные формы познавательной деятельности, восприятие печатного материала, формирование личности и самоанализ. Новая экспедиция была запланирована на следующее лето, "чтобы продолжить работу. Она будет международной, так как планируется пригласить иностранных психологов" (Luria A.R. Psychological expedition to Central Asia // Science. 1931. N 1920. P. 383-384). Во второй экспедиции принял участие гештальтпсихолог К. Коффка. Несмотря на то, что К. Коффка серьезно заболел вскоре после прибытия в Среднюю Азию и вынужден был вернуться домой, Александр Романович с коллегами провели еще одно лето в исследованиях. Эта работа, начатая с большими надеждами и с высокими идеалами, привела к таким сложным и опасным последствиям, которые невозможно было себе представить.

Исследовательский энтузиазм Александра Романовича не знал границ. Они с Л.С. Выготским стремились доказать, что

38

принципы гештальта - результат не постоянных свойств мозга, а способов восприятия, которые тесно связаны с культурно обусловленным значением предметов. Один из их первых экспериментов продемонстрировал практическое отсутствие у местных жителей зрительных иллюзий. Александр Романович послал взволнованную телеграмму своему другу и учителю Л.С. Выготскому: "У узбеков нет иллюзий!" Легко представить, с каким нетерпением он дождался возможности сообщить об этом открытии своему немецкому коллеге.

К сожалению, работа Александра Романовича оказалась политически не совсем правильной. Центральным вопросом дискуссии 1932-1933 гг., как и предсказала реакция А. Френкеля на книгу "Этюды по истории поведения", было его понимание культуры и связи между культурой и индивидуальным развитием. В описании своих экспедиций и во всех других работах А.Р. Лурия использовал термин "культура" в значении, принятом в традициях европейской, особенно немецкой науки в XIX столетии. Это было романтическое понимание культуры как последовательного накопления лучших достижений в науке, искусстве и технике - всего, в чем выражалось господство человека над природой и его освобождение от власти рефлекса, инстинкта и слепого следования обычаям. Такое до сих пор существующее понимание культуры расставляет все человеческие сообщества в определенном порядке на шкале эволюции. Общества,

обладающие письмом и передовыми технологиями, считаются более культурными и более передовыми, чем общества, не обладающие подобными инструментами. Поскольку культурно-историческая парадигма постулировала, что развитие высших психических функций происходит с помощью культурно организованных средств интеллектуальной деятельности, основным среди которых является письмо, из этого следовало, что должны наблюдаться качественные различия между высшими психическими функциями "культурных" и "некультурных" взрослых.

В зависимости от того, как понималось культурное развитие и пути превращения культурных механизмов в механизмы индивидуального мышления, из этой теории можно было сделать целый ряд выводов относительно психического и культурного статуса крестьян Средней Азии того времени. Александр Романович делал два вывода из своей работы. Иногда он указывал, что разные культурные традиции порождают качественные отличия в высших психических функциях. Но в основном в своих работах он подчеркивал "улучшение" положения людей с приходом грамотности и современной технологии.

По целому ряду причин, включая негативный подтекст, который можно было увидеть в его работах, и огульные обвинения в сходстве между его работой и бездумным измерением коэффициента умственного развития, доклад А.Р. Лурия о результатах работы получил сильное, если не сказать едкое, неодобрение. Каковы бы ни были научные причины критики культурно-исторической теории, смесь научной и политической критики 1934 г. имела далеко идущие последствия. Например, я не смог найти ни одного отчета об экспедициях в Среднюю Азию до конца 1960-х гг., за исключением аннотации в "Journal of Genetic Psychology".

Не разбираясь в исторической подоплеке, но зная о существовании данных, полученных Александром Романовичем в Средней Азии, я попытался поговорить с ним об этом летом 1966 г. К тому времени я провел несколько кросскультурных когнитивных экспериментов в Либерии и хотел посмотреть, совпадают ли наши результаты. По часу в день в течение двух месяцев мы изучали его подробные записи. Увидев, сколько данных он собрал, и понимая, что они исчезнут навсегда, если он не упорядочит и не опишет их, я настаивал, чтобы он опубликовал монографию об этом давнем исследовании. Он неохотно обсуждал этот вопрос, чувствуя, что время еще не подошло. Но в 1968 г. он опубликовал короткую статью об исследовании в книге по истории психологии. Воодушевленный положительной реакцией, он достал свои папки и написал

39

небольшую монографию, которая, по его мнению, соответствовала современным требованиям к научным исследованиям. В изменившихся условиях начала 1970-х гг. эта работа была оценена как положительный вклад в развитие советской науки.

В 1930-х гг., почти одновременно с дебатами о его среднеазиатских исследованиях, А.Р. Лурия принял участие в еще одном масштабном предприятии, которое привело к появлению еще одного пятна на его репутации. В 1925 г. в Москве был основан Медико-биологический институт, в чьи задачи входило применение достижений современной биологии, особенно генетики, в медицине. Институтом руководил С.Г. Левит, академик с мировым именем, давний сторонник большевиков. В научный план института входило

исследование развития моно- и гетерозиготных близнецов. Неприязнь к генетике, которая позднее захлестнула советскую биологию, еще не оформилась, но не нужно было быть Лысенко, чтобы понять политический подтекст исследований института, призванных продемонстрировать механизмы создания советских людей будущего. С.Г. Левита публично осудили, и вскоре он стал одной из многих жертв сталинского террора.

Подход, который Александр Романович применил в этой работе, был сформирован культурно-исторической теорией. Он не ожидал простого доминирования либо генетических, либо социальных факторов в развитии близнецов. Скорее он рассчитывал увидеть сложное взаимодействие природного и культурного, в результате которого возобладают культурное в виде культурно обусловленных высших психических функций. Сведений об этой работе почти не сохранилось. Александр Романович написал в соавторстве несколько статей для институтского вестника в 1935-1936 гг. и опубликовал неполный доклад в несуществующем более американском журнале, издававшемся психометриком Ч. Спирменом. Но, если не считать первого короткого доклада в грузинском журнале и такого же короткого доклада в "Вопросах психологии" в 1962 г., огромный массив сравнительных исследований оказался утерянным, а с ним и все, что было обнаружено относительно влияния раннего обучения на последующее психическое развитие. Только в небольшой монографии, написанной в соавторстве с Ф.А. Юдович и опубликованной в 1956 г., содержится некоторое указание на обширные психолого-педагогические задачи и результаты этой работы. Ясно, что в 1935 и 1936 гг. данные по близнецам вызвали слишком много вопросов, которые невозможно было разрешить, потому что институт закрыли в 1936 г.

К середине того же года советская психология превратилась в минное поле из опасных вопросов и осколков научных теорий. Каждое течение в этой области было подвергнуто внимательному изучению и осуждено, включая теорию Л.С. Выготского. Конечно, в советской психологии, как в любой науке, было достаточно посредственностей. Кроме того, от советских людей требовались огромные жертвы, и наука должна была помочь. После революции люди верили в способность психологии трансформировать школы и больницы таким образом, чтобы соответствовать ожиданиям советских лидеров.

Подобно тому, как к 1936 г. были придирчиво изучены все течения в советской психологии, изучалась работа и каждого отдельного психолога, включая штатных сотрудников института. В этой напряженной атмосфере только один голос высказался против огульного осуждения советской психологии: "Нужно отметить, что профессор Лурия, как один из представителей культурно-исторической теории, не счел необходимым признать ошибочность своих теоретических взглядов на этом собрании" (Г.Ф. О состоянии и задачах психологической науки в СССР // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 87-99). Однако нужно признать, что обсуждать взгляды Александра Романовича по большому счету было некому. Те исследования, за которые его явно можно было критиковать, уже закрылись, и возвращаться к ним не было смысла.

В этих обстоятельствах Александр Романович решил вернуться на медицинский факультет и продолжить обучение на дневном отделении. Поскольку он периодически

изучал медицинские дисциплины в течение 20 лет, он быстро получил медицинское образование и начал работать в неврологической больнице. Лишившись возможности развивать свои идеи в возрастной психологии и кросскультурных исследованиях, он сконцентрировался на той части теории, которая предполагала, что невозможность использовать язык вызывает специфические изменения психики. Так начались исследования церебральных основ высших психических функций, ранее изучавшихся на детях, которые продлятся более 30 лет. Это был не последний сдвиг в направлении научной деятельности, обусловленный изменениями в общественной ситуации, но он оказался как нельзя кстати. С началом второй мировой войны значимость неврологических исследований А.Р. Лурия стала несомненной.

Вряд ли можно реально оценить, какое значение для будущего Александра Романовича имел его переход в нейрофизиологию. Нет сомнений, что сначала он рассматривал эту работу просто как применение культурно-исторической теории к новой сфере практической деятельности. Даже во время обучения на медицинском факультете и работая врачом, он продолжал заниматься психологией настолько, насколько это было возможно в тех условиях, о чем свидетельствует статья о психоанализе, написанная для Большой Советской Энциклопедии. В конце 1930-х гг. было необходимо заниматься самокритикой, тем не менее в этой статье Александр Романович сумел покритиковать себя и одновременно сказать все, что считал правильным. Каждый абзац о значительных фигурах в советской психологии содержит короткое фактологическое изложение основных идей без критического анализа. Когда он обсуждает основные понятия психологии, его собственная точка зрения просматривается очень четко.

Война предоставила ему огромный массив данных о мозге и психологических процессах, которые он изложил в целом ряде статей и монографий. Когда над Москвой более не висела угроза нападения, он вернулся с Урала, рассчитывая продолжить работу в Институте нейрохирургии. Некоторое время он работал спокойно. Потом опять в его жизнь вмешалась история.

В 1948 г., в разгар «холодной войны», советская наука опять пережила серию потрясений, важнейшее из которых связано с гонениями на генетику. Гораздо меньшую известность в Соединенных Штатах получила дискуссия, охватившая многие разделы советской науки, включая физику и лингвистику, в которой вопросы внутренней и внешней политики смешивались с научной философией и практикой научных исследований. К сожалению, антисемитизм также входил составной частью в эту опасную смесь. В процессе разбирательств в начале 1950-х гг. Александр Романович был уволен из Института нейрохирургии. По словам Ланы Пименовны, это был один из немногих моментов, когда ее муж почти впал в отчаяние.

Ситуация была мрачной, но не безнадежной. Будучи членом Академии педагогических наук, А.Р. Лурия имел право претендовать на место в одном из ее учреждений. Он очень быстро пришел в себя и вернулся к работе, собирая эмпирические данные для подтверждения теории Л.С. Выготского. Потеряв возможность работать с детьми, с неграмотными или с пациентами, имеющими мозговые травмы, он вернулся к тому, что с самого начала интересовало Л.С. Выготского, — к умственно отсталым. И здесь он был не одинок. Некоторые его ученики, включая Р.Е. Левину и Н.Г. Морозову, работали в Институте дефектологии, который стал ему научным домом почти на десять лет.

Во многих отношениях десятилетие с 1948 по 1958 г. можно считать одним из самых трудных в жизни Александра Романовича. Ему пришлось не только в третий или четвертый раз сменить специализацию, но и постоянно испытывать ограничения как

научного, так и общественного характера. Это было время, когда науке придавалось значение одного из основных факторов в жизни советского общества, а павловская модель выставлялась как образец, которого нужно было строго придерживаться.

41

Данная ситуация была особенно трудной для А.Р. Лурия, потому что он соглашался с научной программой И.П. Павлова только в том, что психологическая теория должна строиться на основе физиологии высшей нервной деятельности. Но этого согласия по принципиальным вопросам было недостаточно. Степень серьезности и узколюбости «павловской революции сверху» можно почувствовать, сравнивая самокритику Александра Романовича на собраниях в начале 1950-х с аналогичными выступлениями в 1930-х гг. Он больше не мог ограничиваться изложением своих основных взглядов, свободным от критического анализа. Теперь он вынужден был заявить, что его работа по восстановлению мозговых функций при афазии была неправильной, потому что он не применял учение И.П. Павлова. Какой раздел павловской физиологии необходимо было применить, при этом не уточнялось. Ему также приходилось хвалить работу таких людей, как А.Г. Иванов-Смоленский, с чьей интерпретацией сопряженной моторной методики он не мог согласиться и которую позднее резко критиковал. Все, что он мог себе позволить, — это самокритика в тех областях, где она была менее всего значима. Так, он мог сказать с чистой совестью, потому что это отражало его высочайшие чаяния, что «только с помощью детального физиологического анализа даже самых сложных психологических фактов мы можем построить материалистическую теорию человеческих психических процессов; и это относится как к медицинской, так и к общей психологии» (Материалы научной сессии Академии медицинских наук. М., 1950. С. 633).

В этой чрезвычайно напряженной атмосфере Александру Романовичу удалось продолжить свои исследования в Институте дефектологии, но он не мог открыто развивать линию Л.С. Выготского. И он придумал, как обойти эти ограничения. Он вернулся к сопряженной моторной методике, по структуре очень похожей на метод условного рефлекса, и начал исследовать переход от элементарных психических функций, которые, по его мнению, можно было изучать в контексте павловского учения, к высшим психическим функциям, которые уже нельзя было объяснить с помощью теории И.П. Павлова в том виде, в каком она существовала на тот момент. Более того, он сосредоточился на роли языка в осуществлении перехода от элементарных к высшим психическим функциям. Это был очень удачный выбор, потому что к концу жизни И.П. Павлов начал размышлять о возможности применения теории условных рефлексов к человеческому языку. Хотя И.П. Павлов был уже очень стар, он ясно дал понять, что это та область, где его теорию следует дорабатывать, что эта область еще не *terra cognita*. В результате любой желающий мог ею заняться, не заботясь о необходимости согласовывать свои действия с физиологической теорией, сформулированной в 1920-х гг. на основе павловских экспериментов с собаками.

Читая публикации А.Р. Лурия того периода, я был несколько ошарашен. Обладая прекрасными способностями к языкам, он использовал павловский жаргон вполне профессионально. Я почти уверен, что иногда он считал его наиболее продуктивным для описания некоторых явлений, как, например, в экспериментах с умственно отсталыми детьми. Но в других случаях, в частности в работе с близнецами, которые изобретали

собственный язык общения, он считал павловскую теорию неуместной. Возникла потребность перевести то, что он говорил, на язык его собственной теории. К сожалению, в 1950-х мало кто из молодых советских психологов мог осуществить этот перевод. Я тоже не мог.

К тому времени, как мы с женой приехали в Москву в 1962 г., все эти события были для Александра Романовича в основном позади. Нельзя сказать, что люди перестали заниматься поисками марксистской психологии или что ожесточенные споры относительно правильности теоретических и методических подходов к изучению психики были разрешены. Но эти дискуссии проходили уже в нормальной атмосфере, где никто никому не предписывал единственно возможный путь.

42

В 1955 г., после перерыва в 20 лет, психологии было разрешено иметь собственный журнал «Вопросы психологии» с А.А. Смирновым в качестве главного редактора. А.Р. Лурия вместе с А.Н. Леонтьевым стали членами редакционного совета. Затем в 1956 г. был опубликован первый сборник трудов Л.С. Выготского. Два оставшихся члена «тройки» написали к нему длинное вступление, впервые обнародовав идеи Л.С. Выготского для нового поколения студентов, которые едва знали его имя.

В конце 1950-х гг. Александр Романович снова стал выезжать за границу. Большой стеклянный шкаф в гостиной у Ланы Пименовны начал заполняться сувенирами из Японии, Англии, Западной Европы и Соединенных Штатов в дополнение к коллекции сувениров из Советского Союза и Восточной Европы. Куда бы ни выезжал Александр Романович, он везде читал лекции, часто на языке принимающей стороны. Он представлял перед мировой психологической общественностью в разных обличьях. Сначала это был возрастной психолог павловской школы, специалист по умственной отсталости, чьи эксперименты для выявления свойств «второй сигнальной системы» звучали в унисон с исследованиями, проводившимися в то время во многих лабораториях мира. Позже, вернувшись в Институт нейрохирургии, А.Р. Лурия предстал на мировой арене в другом обличье, в этот раз как афазиолог, разработавший методики восстановления поврежденных мозговых функций и типологию афазии, которая несколько не согласовывалась с соответствующими теориями, разрабатывавшимися в то время за пределами СССР.

В своих лекциях за границей и публикациях дома А.Р. Лурия старался восстановить и обнародовать содержание советской психологии. Грандиозность этой задачи иногда порождала странные аномалии в порядке и времени появления его публикаций. Результаты его работы с близнецами и в Средней Азии были частично опубликованы через 20 и 30 лет соответственно. Русское и английское издания появились практически одновременно. «Травматическая афазия», вышедшая в СССР в 1947 г., была частью докторской диссертации Александра Романовича с добавлением огромного материала, собранного во время войны. Эта важнейшая работа вышла на английском языке только в 1956 г. благодаря усилиям Д. Боудена, врача, который учился вместе с Александром Романовичем в начале 1960-х гг. Поскольку первая информация о его работе, изложенная в лекциях, прочитанных по-английски в Лондоне в середине 1950-х гг., касалась павловского этапа его деятельности, именно эта информация и стала широко известна

всем читающим по-английски. Нигде и никогда Александр Романович не обсуждал те сложные идеологические и ведомственные ограничения, которые обусловили столь резкие сдвиги в его научной деятельности и возможности публикации ее результатов.

Непонимание, вызванное подобным стечением обстоятельств, оказалось удачей для меня. Содержание публикаций 1950-х гг. возбудило мой интерес, хотя я мало что мог понять. Благодаря этому я оказался в Москве.

В тот год, что я провел в Москве, поток посетителей к Александру Романовичу не иссякал. Александр Романович принимал всех, за исключением случаев, когда он был слишком занят или болен. Несколько раз в неделю он читал лекции в тех учреждениях, с которыми был связан, — в Московском университете, Институте нейрохирургии, Институте психологии. Он также вел семинар для иностранных студентов, куда часто приводил посетителей. Кроме того, он активно занимался партийной работой.

С раннего утра до поздней ночи он читал и писал своей старомодной авторучкой, ведя обширную переписку на многих языках. Перед уходом на работу он говорил по телефону. Многие руководители отделов и институтов в Москве шутили по поводу того, что Александр Романович будил их по утрам, напоминая о невыполненном поручении или предлагая новую интересную работу.

43

В дополнение к этим обязанностям Александр Романович не оставлял своей привычки знакомиться с новыми работами иностранных психологов и старался, чтобы самые интересные статьи и монографии были опубликованы на русском языке, обычно с его вступлением. Он был членом редколлегии российских и иностранных журналов и, когда мог, писал статьи на английском, французском, немецком и испанском языках для публикации за рубежом. Заботясь о том, чтобы работа его студентов и коллег также стала известна за рубежом, он организовывал перевод их статей с русского на английский и другие европейские языки.

Я понимаю, что ко времени моего приезда в Москву Александр Романович распределял свои усилия примерно поровну между работой по сохранению прошлого и текущими и будущими проблемами. Неудивительно, что он всегда торопился. Слишком много нужно было сделать, чтобы спасти это прошлое от потрясений тех исторических эпох, которые ему пришлось пережить.

Грустнее всего, что я долго не понимал, чем занимается Александр Романович. Только в последний год его жизни я созрел для вопросов, которые должен был задать ему в 1962 г. Он оценил мои вопросы — о Л.С. Выготском, о теоретических основаниях метода двойной стимуляции, о событиях, приведших его в дефектологию. Но полные ответы и подлинная дискуссия нам еще предстояли. Тогда прошло уже больше сорока лет со времени его последней встречи с Л.С. Выготским, и он уже не смог объяснить, почему тот так притягивал его. Он повторял снова и снова: «Это был гений». Юношеское увлечение психоанализом было отмечено как каприз. Работа по сопряженной моторной методике оказалась средством, с помощью которого ему удалось разработать прототип детектора лжи. Все это соответствует действительности, но так далеко от истины.

К концу своих изысканий о жизни А.Р. Лурия я начал с сожалением понимать, что живые идеи из его прошлого оказались сведены к формулам. На протяжении одной жизни ему пришлось думать на нескольких научных языках, которые кодировали действительность разными, не связанными друг с другом способами. Его стандартные формулировки не имели целью сбить с толку, они всего лишь отмечали разные эпохи в развитии его научной карьеры. Ему так и не удалось создать единый язык, который смог бы объединить разные направления его деятельности. Значение целого можно было понять только в результате нескольких лет ученичества. Его было трудно, если не невозможно, постичь, не поняв каждую из составных частей. Только тогда можно было бы говорить об их объединении.

15 лет ученичества оказалось недостаточно, чтобы превратить меня в мастера. Но они позволили мне понять сложность и широту проблем, занимавших Александра Романовича, так, как это редко удавалось другим его ученикам. Благодаря этому я сумел выработать некоторое общее понимание его деятельности.

В тот день, когда я начал писать этот очерк, мне самому довелось удостовериться, насколько мощны и долговечны идеи, которые привлекли А.Р. Лурия в психологию. Мы с коллегами собрались обсудить широкий подход к изучению искусственного интеллекта, предложенный одним из наших ведущих ученых. И вот что он сказал: наши модели интеллекта — это номотетические схемы, которые не отражают природу человеческой психики. Он призвал нас искать новые методы, которые позволили бы соединить наше сложное, технологичное, но бесплодное научное настоящее и пока недостижимое, но необходимое будущее, создав научную психологию, которая бы рассматривала человека во всей полноте его проявлений.

Воистину идеи не умирают. Но жизнь им дают люди.

Поступила в редакцию 17.III 2002 г.

Перевела с английского Т.К. Цветкова

1 Л.И. Божович, Л.С. Славина, Р.Е. Левина, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин.

2 Я сделал подобную попытку в книге, опубликованной в США в 1996 г. и в России в 1999 г. под названием «Культурная психология: наука прошлого и будущего». Судя по многочисленным отзывам российских ученых, попытка была не очень удачной.